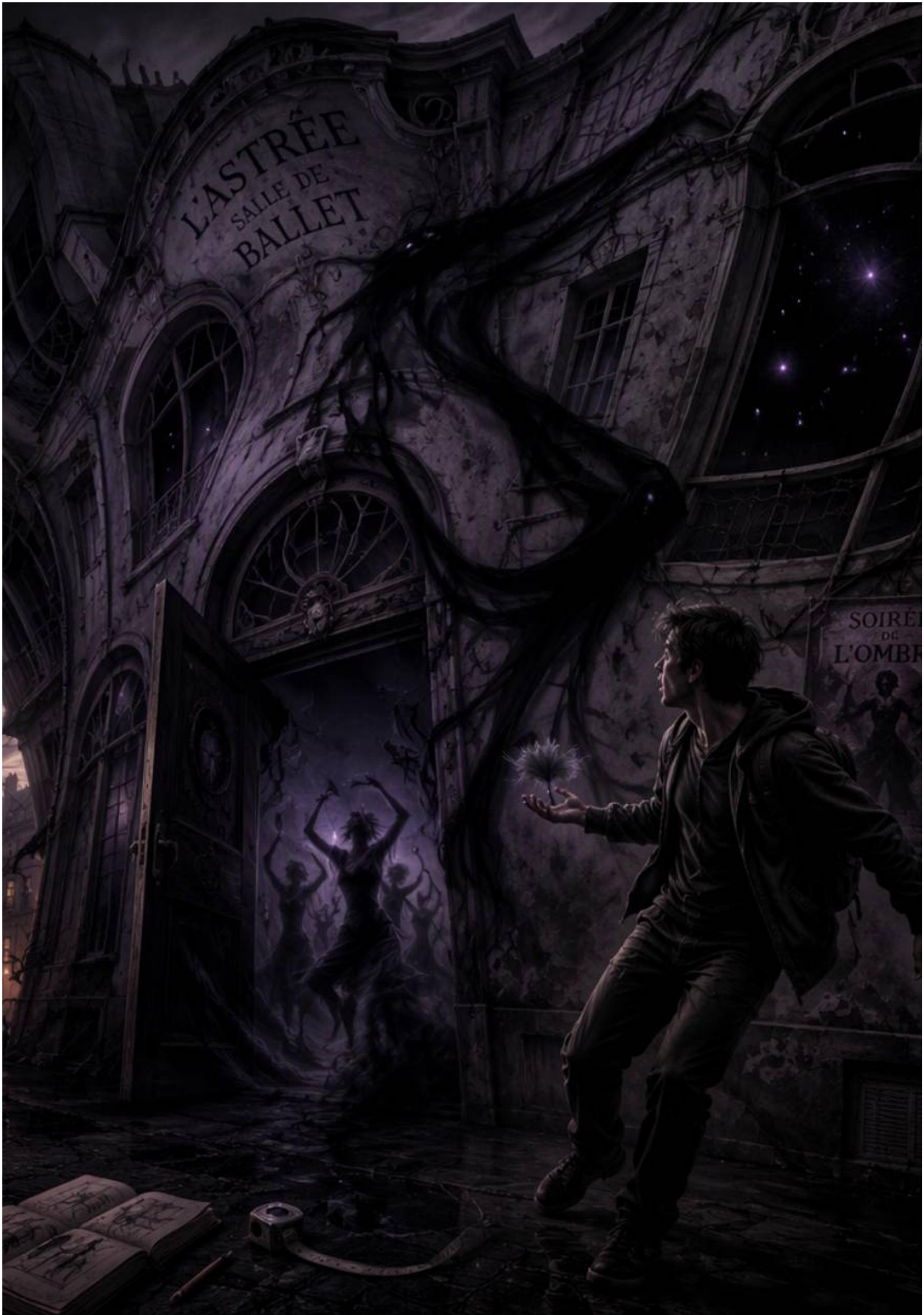

L'ASTRÉE
SALLE DE
BALLET

Олег Кинг Брахманин

Ритм, которого не должно быть

«Автор»
2026

Кинг Брахманин О.

Ритм, которого не должно быть / О. Кинг Брахманин — «Автор», 2026

В Школе Теней не учат шагам — там учат исчезать. Лира Вейн ведёт странный класс в зале, которого нет на планах здания: здесь зеркала не отражают лиц, а тени обретают плотность и собственный язык. Её ученицы учатся танцевать не для себя, а для тьмы — позволяя теням вести их, сплетая движения в древний ритуал. Когда грань между мирами истончается, танец становится дверью: он впускает нечто чуждое, что меняет не только зал, но и весь город. Студент-архитектор, решивший доказать нелепость городских легенд, сталкивается с тем, что ломает логику и геометрию, пробуждая в теле память, которой у него не было. Теперь по улицам расползаются странные узоры, тени двигаются с опозданием, а шёпот из-за зеркал обещает знания, за которые лучше не платить. Это история о том, как искусство становится проводником, а танец — ритуалом, стирающим грань между реальностью и чем-то гораздо более древним и опасным.

© Кинг Брахманин О., 2026
© Автор, 2026

Олег Кинг Брахманин
Ритм, которого не должно быть

В Школе Теней не учили шагам — там учили исчезать.

Зал, где преподавала Лира Вейн, не значился ни на одном плане здания. Он открывался только в те часы, когда сумерки сгущались до состояния смолы, а воздух становился густым, как застывающий воск. Стены здесь не отражали свет — они его поглощали. Зеркала, выстроившиеся вдоль одной из стен, не показывали лиц: в них проступали лишь смутные очертания, будто кто-то стоял за спиной, но отворачивался, едва ты пытался поймать его взгляд.

— Не смотрите на себя, — шептала Лира, и её голос звучал так, словно доносился из-под воды. — Вы — не то, что видите. Вы — то, что остаётся, когда свет гаснет.

Она стояла у станка, прямая, как лезвие, в чёрном трико и с тем самым шарфом, который, по слухам, был соткан из нитей, собранных в местах, где время текло иначе. Её движения были резкими, но не грубыми — скорее, они напоминали взмахи крыльев ночной птицы: точные, бесшумные, смертоносные в своей красоте.

— Тени не ждут, пока вы их пригласите, — продолжала она, обходя зал, и её шаги не оставляли эха. — Они приходят сами. И если вы не научитесь вести их, они поведут вас.

Ученицы — бледные, дрожащие, с глазами, расширенными от страха и восторга — стояли в полукруге, стараясь не смотреть в зеркала. Лира требовала, чтобы они начинали в тем-

ноте. Не в полумраке, не при тусклом свете лампы — в абсолютной, плотной тьме, которая давила на веки и заставляла слышать собственное сердце так громко, будто оно билось не в груди, а в стенах зала.

— Закройте глаза, — приказывала Лира. — Теперь слушайте.

И они слушали. Не музыку — её здесь не было. Только шёпот. Тихий, едва уловимый, будто кто-то перелистывал страницы книги, написанной на языке, которого не существовало. Этот шёпот был ритмом. Он пульсировал в воздухе, вибрировал в костях, заставлял пальцы подрагивать, а ноги — искать опору там, где её не было.

— Это танец теней, — говорила Лира, когда первые ученицы, не выдержав, открывали глаза. — Он не принадлежит вам. Он использует вас.

Она показывала движение — одно-единственное, но в нём заключалось всё. Поворот на сто восемьдесят градусов, медленный, как падение в бездну, с поднятой рукой, будто удерживающей невидимую нить. Затем — резкий наклон вперёд, почти до пола, и мгновенный возврат, с поворотом головы так, что волосы взметались, как крылья.

— Повторите, — требовала она.

И они повторяли. Но каждый раз, когда движение завершалось, в зеркалах мелькало что-то, чего не могло быть. Дополнительный силуэт. Чья-то рука, протянутая из темноты. Тень, которая двигалась не вслед за телом, а опережая его.

— Не сопротивляйтесь, — предупреждала Лира. — Если вы будете бороться, они разорвут вас изнутри.

Она знала, о чём говорила. Она видела, как это происходит. Видела, как одна из её учениц — та, что слишком громко смеялась и слишком часто смотрела в зеркала — вдруг застыла посреди зала, её тело изогнулось под неестественным углом, а из горла вырвался звук, похожий на скрежет металла. А потом она исчезла — не ушла, не убежала, а просто перестала быть. На полу остался только шарф, похожий на тот, что носила Лира, но сплетённый из чего-то, что не было шерстью.

— Тени не прощают ошибок, — сказала Лира, поднимая шарф и накидывая его на плечи. — Они не танцуют с вами. Они танцуют через вас.

С тех пор ученицы перестали задавать вопросы. Они учились чувствовать ритм, который не звучал, видеть движения, которых не было, и доверять теням, которые становились всё плотнее, всё реальнее, пока не начинали казаться более настоящими, чем сами девушки.

А Лира продолжала стоять у станка, наблюдая, как зал медленно поглощает свет, как зеркала темнеют, а в воздухе витает запах старого пергамента и чего-то, что нельзя было назвать, но что заставляло сердце сжиматься от ужаса и восторга одновременно.

— Ещё раз, — говорила она, и её голос звучал уже не из её горла, а отовсюду сразу. — Ещё один круг. Пока не станет темно. Пока не останется только танец.

И они танцевали. Пока тени не становились единственными зрителями. Пока не оставалось ничего, кроме движения, ритма и тьмы, которая, казалось, дышала вместе с ними.

С каждым днём тьма в зале становилась плотнее, будто сама Школа Теней жадно впитывала остатки света, просачивавшиеся сквозь замурованные окна. Ученицы уже не вздрагивали от шёпота, что вился по углам, — теперь они прислушивались к нему, как к метроному, задающему ритм их движениям. Но Лира видела: в их глазах всё ещё жил страх, а страх искажал танец, делал его человеческим, а значит — несовершенным.

— Сегодня мы пойдём дальше, — произнесла Лира, и её голос прозвучал не как приказ, а как приговор. — Сегодня вы узнаете, что значит быть ведомыми.

Она сняла со стены старый метроном — тот самый, с выцветшими рунами на корпусе. Его механизм щёлкал сухо и отрывисто, словно отсчитывал не секунды, а мгновения, оставшиеся до чего-то непоправимого. Но звук этот был обманчив: он не совпадал с тем ритмом, что пульсировал в стенах. Лира знала это. Она давно перестала слушать метроном. Она слушала зал.

— Завяжите глаза, — велела она.

Девушки переглянулись. В их взглядах мелькнуло что-то, похожее на протест, но спорить никто не посмел. Грубые ленты, пахнущие пылью и плесенью, легли на их веки, отрезая даже намёк на свет. Теперь их мир сузился до осязания, до звука, до того странного, почти болезненного чувства, когда ты не знаешь, где заканчивается твоё тело и начинается пустота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.